

В своей статье студент 1 курса бакалавриата Николо-Угрешской семинарии Олег Бурдюг на осн

Миф о крещении Новгорода «огнем и мечом» давно стал широко известным примером при описании процесса христианизации русских земель в 988–989 гг. Причина столь широкой популярности данного эпизода состоит в том, что он является фактически единственным примером, который можно привести в подтверждение концепции «насильственного крещения Руси», ставшей практически общепризнанной в отечественной науке советского периода.

Актуальность данной темы обусловлена ростом отрицательного отношения к Русской Православной Церкви и развитием неоязыческого движения на территории России в настоящее время. Целью данного сообщения – восстановление событий Крещения Руси на основании исторических источников.

Крещение Руси – термин, под которым в современной исторической науке подразумевается введение в Киевской Руси христианства как государственной религии, осуществленное в 988 году равноапостольным князем Владимиром Святославичем. Скажем сразу, что изучая археологические и письменные источники, следует признать, что практически не существует никаких материальных подтверждений (следов пожара, бегства или гибели населения и т. д.) массового характера общественных катаклизмов, которые должны были бы сопровождать Крещение в случае его насильственного характера. Даже языческие капища на окраинных территориях Руси функционировали еще столетие спустя. Как о событиях исключительных, летописи сообщают о мятежах, поднимаемых приверженцами старой веры, и о репрессиях против них, происходивших уже в XI и последующих веках.

На базе основной массы письменных и археологических источников складывается ощущение мирного и отчасти формального принятия крещения горожанами в 988 г. Однако известие Иоакимовской летописи XVII в. о Крещении Новгорода вроде бы разрушает эту идеализированную картину. Проанализируем всю совокупность летописных сообщений о Крещении Новгорода.

Самый древний рассказ о Крещении Новгорода находится в Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Лм) XII века. В нем сообщается о том, что в 6497 году от Сотворения мира (989 от Рождества Христова) крестился князь Владимир и вся Русь. В процессе Крещения Руси в Киеве был поставлен митрополит, в других же городах – епископы, пресвитеры и диаконы. Летописец сообщает, что все эти мероприятия были встречены народом с радостью. В Новгород был назначен архиепископ Аким Корсунянин, который по восшествии на кафедру разрушил главное капище города, побил идола Перуна, повелел утопить его в реке Волхов и призвал не принимать сверженного идола. Перуна низвергли, повлекли к реке через грязь и по дороге били железными палками. Некий гончар из поселения Пидьба, придя рано утром в Новгород и увидев у берега реки плавающего поверженного идола, пнул его и посрамил со словами: «Ты, Перунище, досыта пил и ел, а теперь же пльви прочь!» [1].

Как видим, в наиболее древнем известии отсутствуют какие-либо данные о насильственном характере Крещения и каких-либо конфликтах. Власть призывает не принимать сверженного идола – и народ слушает этот призыв. Ярким моментом повествования является эпизод, в котором простой гончар посрамляет павшего бога, что встречает полное одобрение со стороны летописца.

Ряд известий летописцев о Крещении Новгорода открывает статья из Софийской

первой летописи старшего извода (С1Лс) 1418 года. Составитель этого свода использовал более ранние новгородские источники. Название летописи происходит от места написания – Софийского собора, что отражено в названии: «Софийский временник».

В С1Лс рассказ о крещении Новгорода несколько отличается от рассказа в Н1Лм. Главным образом, различие заключается в наличии двух характерных вставок. Первая вставка – легенда о крещении Владимира при патриархе Фотии (жившем в IX в. и причастном к первому Крещению Руси). Стоит отметить, что в этом тексте упоминается имя первого митрополита Киевского – Леона. Вторая вставка – народный сюжет о проклятии новгородцев Перуном, из-за чего начались вечевые побоища на мосту через Волхов. Этот эпизод ясно свидетельствует о страхе вчерашних язычников перед своим повергнутым божеством [2].

На фоне многочисленных переработок повествования о Крещении Новгорода С1Лс выделяется лишь один текст — фрагмент Иоакимовской летописи. Эта летопись была составлена в XVII в. и дошла до нас только в составе «Истории Российской» В.Н. Татищева [3]. Установлено, что Иоакиму, первому новгородскому епископу, источник принадлежать не мог. По всей видимости, неизвестный летописец выдал свой пересказ событий за труд епископа. О крещении новгородцев Иоакимовская летопись сообщает, что новгородцы, узнав о том, что Добрыня собирается организовать их крещение, собрали вече, на котором было принято решение не пустить Добрыню в город и не дать ему ниспровергнуть идолов. Когда Добрыня с войском прибыл к стенам Новгорода, новгородцы разрушили большой мост и вышли с оружием. Добрыня обратился к ополченцам со словом увещевания, но те не захотели слушать и вывезли на мост (который они же сами только что разрушили – несостыковка в тексте!) два самострела, заряженных камнями. В это время новгородский архиепископ Иоаким (Аким) Корсунянин ходил по улицам Торговой стороны города с проповедью и крестил горожан. За два дня было крещено несколько сотен человек. Зная об активной проповеди архиепископа Иоакима, новгородский тысяцкий Угоняй ездил по другой стороне города с призывом: «Лучше нам умереть, нежели чем богов наших отдать на поругание!». Жители этой пока еще языческой стороны Новгорода, рассвирепев, разграбили дом Добрыни, избили его жену и родственников. Тогда Тысяцкий князя Владимира Путята собрал 300 воинов-ростовцев, переплыл ночью на другую сторону города и вошел в Новгород. Дойдя до двора новгородского тысяцкого, он убил Угоняя, разбил его войско и послал известие Добрыне за реку. Но новгородцы-язычники, услышав о происшествии, собрались до 5000 человек и напали на Путяту – завязалось кровавое сражение. Некоторые язычники разрушили церковь Преображения Господня и стали грабить дома христиан. Чтобы пресечь бесчинства, на рассвете Добрыня повелел поджечь некоторые дома на берегу, что устрало многих жителей Новгорода, побежавших тушить пожар. Тогда сражение прекратилось, и язычники просили мира.

Добрыня, собрав своих воинов, запретил им грабить дома и приказал сокрушить идолов – деревянных сжечь, а каменных, изломав, спустить в реку. Для язычников это было великой скорбью. Мужчины и женщины, видя это, с великим плачем просили у богов помощи и заступления. А Добрыня, насмехаясь, говорил им: «Что, безумцы, сожалеете о тех, которые себя защитить не могут? Какую помощь вы можете от них ожидать?» По всему городу разослал он людей, призывавших новгородцев идти креститься. Посадник Воробей, сын Стояна, воспитанный при дворе равноапостольного князя Владимира, пошел увещевать народ на рынок и более всех потрудился в этом деле. На крещение шли многие, но нежелающих воины насильно приводили к месту крещения. Тогда многие некрещеные ложно свидетельствовали о себе, что они уже крещены. По этой причине для того чтобы разделить крещеных от некрещеных, было повелено всем крещеным повесить на шею деревянные, медные или оловянные кресты. Разрушенную церковь Преображения Господня вскоре снова построили. Совершив таким образом Крещение Новгорода, Путята вернулся в Киев. Летописец в конце повествования сообщает: «Сего для людие поносят новгородцев: Путята крестил мечом, а Добрыня огнем» [4].

К Иоакимовской летописи в науке сложилось разное отношение. Одна группа исследователей видит в ней достоверный и правдивый источник, - другая сомневается в ее подлинности. Эти ученые придерживаются мнения, что Иоакимовская летопись полностью или частично написана самим В.Н. Татищевым в XVIII веке. Тем не менее большинство ученых признает Иоакимовскую летопись как подлинный текст XVII века. Будучи сторонником подлинности Иоакимовской летописи, С.В. Алексеев считает, что рассказ о Крещении Руси, содержащийся в ней, был создан в Новгороде в XIII веке, а автор конца XVII столетия по ошибке принял рассказ за летопись архиепископа Иоакима и включил в свое повествование.

С.В. Алексеев, сопоставляя черновой вариант «Истории» с чистовым, пришел к выводу, что В. Н. Татищев внес некоторые изменения в имевшийся у него оригинальный текст летописи. Выявлены изменения текста: слово «самострелы» заменено на древнерусское «пороки»; слово «помосчь» в речи Добрыни, обращенной к новгородцам, заменено на слово «польза» [5]. Сделана необоснованная вставка: «Высший же над жрецы славян Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей, вельми претя люду покоритися». Это явно чужеродная вставка в текст, где лидером восстания является Угоняй [6]. В. Н. Татищев поставил во главе восстания жреца, считая это совершенно уместным. Но откуда он взял имя жреца - неизвестно.

В целом вмешательство В. Н. Татищева в текст летописи было незначительным. Тем не менее признание того факта редактуры историка над текстом не позволяет признать Иоакимовскую летопись абсолютно достоверной. Невозможно отрицать противоречия, содержащиеся в тексте, несмотря на наличие содержащихся в нем подлинных преданий XIII века.

Факт использования киевскими властями в Крещении Новгорода 300 ростовцев в крещении Новгорода в качестве основной военной силы, кажется весьма неправдоподобным и странным. Христианская вера начала утверждаться в Ростове только в XI–XII вв., при этом процесс христианизации Ростовских земель проходил очень болезненно и тяжело. Также стоит подвергнуть сомнению факт наличия в Новгороде 5000 боеспособных горожан в конце X в. Согласно многим письменным источникам, в центральном Новгородском капище находился только один идол – деревянный Перун. Данная информация подтверждается раскопками на месте капища (Перынь) [7]. Между тем, в летописи сообщается о большом количестве идолов, в том числе каменных. Тысяцкий Угоняй и посадник Воробей Стоянович не упоминаются в других письменных источниках той эпохи [8]. Посадником в описываемое время был Добрыня, а не Воробей. О существовании Путяты нам сообщает лишь небольшое присловье, приводимое в конце отрывка.

Сообщение летописи в конце повествования о Крещении Новгорода («Того для люди поносят новгородцев: Путята крестил мечом, а Добрыня огнем») интересно само по себе. Возникает вопрос: кто мог «поносить», ругать новгородцев за их косность в принятии истинной веры, если бы вся Русь действительно была крещена насильственно, «огнем и мечом»? Очевидно, наоборот, их мужество воспевали бы. В данном случае, сама Иоакимовская летопись является решающим свидетельством против подобных утверждений.

Мы не можем судить о конкретных обстоятельствах появления новгородского первоисточника Иоакимовской летописи в XIII в. Но ясно видна одна из тенденций – подчеркнуть определенную косность и «жестоковость» своих сограждан-новгородцев, показать их противостояние христианизации не только своего города, но и Руси в целом. Псевдо-Иоаким показывал свой город печальным исключением. Но некоторые историки Нового времени попытались превратить его интерпретацию событий в типичный для всей Руси пример.

Итак, процесс христианизации Русских земель в целом носил мирный характер. Но

случались и протесты, которые свидетельствуют о том, что крещение было встречено не столь дружелюбно, как хотелось бы властям. Вчерашнему язычнику было трудно принять новую, совершенно иную веру. По этой причине и произошли протесты локального характера в Новгороде, а также в Ростове и Муроме. Но эти столкновения стали лишь исключением из общего правила.

---

[1] Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1. М., 1994. С. 112.

[2] Алексеев С. В. Литературные и археологические источники о крещении Новгорода // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 189.

[3] Там же. С. 190.

[4] Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1. М., 1994. С. 112–113, 398.

[5] Алексеев С. В. Литературные и археологические источники о крещении Новгорода С. 192.

[6] Там же. С. 192.

[7] Там же. С. 193.

[8] Там же. С. 193.

